

ЦЕНА 4 РУБ.

К ПОВЕСТИ
"ВО ТЬМЕ ВЕКОВ"

В

МЭНЛИ УОД УЭЛЛЕН

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. НИКОЛАЕВА

Перевод с английского Зинаиды Бобыр

Он показался сначала угрозой, упавшей прямо с неба в вихре огня; он зарылся в землю между двумя отрядами воинов. Воины были вооружены каменными топорами, и между ними шла кровавая битва.

Эта битва была результатом внезапно возникшего тщеславия Джомы Рыболова, вождя племени, которое жило и охотилось на морском побережье. Джомы вообразил себя непобедимым вождем грозной общины воинов. Он отправил посла за лесистые холмы на северо-запад известить маленькое селение о том, что требует немедленно дани. Он желал получить в свои руки образцы нового оружия. Это оружие создал вождь селения и назвал его луком.

Но селение принадлежало племени воинственных кремневиков, а их вождем был Хок Могущий, не почитавший никого, кроме Сияющего Солнца, которому поклонялись кремневики. Сидя среди глинобитных хижин своего селения, на пороге пещеры, Хок, выслушав требования посла, улыбнулся в свою солнечного цвета бороду. Потом он позволил мальчишкам выгнать чужака палками и камнями. В недалеком времени послол дохромал до своего поселка, и Джомы повел своих бойцов — их было свыше сотни — взять луки силой.

Предупрежденный разведчиками, Хок во главе шестидесяти сильных воинов ночью направился к холму, мимо которого должны были пройти нападавшие. Джомы думал захватить кремневиков врасплох, около их утренних костров. Но при первом же проблеске серой, осенней зари он наткнулся на целый отряд воинов, загорелых и бордатых, одетых в льявине, волчьи и медвежьи шкуры, готовых стрелять из лука или поразить топором.

А впереди этого отряда шагал сам Хок, и был он выше и крупнее любого воина. Вокруг его мощного тела обвивалась шкура пещерного льва, на ногах были сапоги из бычьей шкуры. На голове у него красовались крылья сокола; в одной руке он держал лук со стрелой на тетиве, а другой — боевой топор с лезвием из кремня, который он высоко подбрасывал и ловил на ходу, как палочку.

— Эй, чужаки, рыбодеды! — прогремел он. — Что вам здесь нужно?

— Те штуки, что вы называете луками, — быстро ответил Джомы.

Он тоже вышел вперед и казался почти таким же огромным, как Хок. Солнечный свет над водой давно уже обжег его кожу до цвета бурых камней на равнине, а его черная борода волной сбежала на широкую голую грудь. В руках он держал пилу толщиной в кисть своей руки.

— Я посылал за ними человека, — продолжал Джомы, — но...

Хок засмеялся:

— А не чешется ли еще у этого человека спина от той

трепки, какую ему задали наши люди? Мы не отдаем ничего, когда нам приказывают. Приди и возьми луки, если можешь, Джомы Рыболов. Но, я думаю, ты получишь кое-что другое.

Джомы зарычал, и его воины кинулись вперед. Хок тоже отдал приказ, и кремневики подняли свои луки. Атака была встречена дождем стрел, бивших без промаха. Нападавшие заколебались, в то время как их противники проворно наложжили на тетивы новые стрелы. Разве могли каменные топоры спорить с луками? Второй залп мог бы превратить атаку Джомы в бегство.

Но тут с небес упало это огненное нечто, осветившее туманный небосвод ярким полуденным светом, упало прямо на тот холм, который защищали люди Хока и куда рвался отряд Джомы. Оно упало туда, где из земли выступал какой-то мягкий черный камень.

... Когда метеорит упал, обе враждующие толпы — и обороняющиеся кремневики и нападающие рыболовы — разом издали вопль удивления и ужаса и повалились ничком на землю. Один только Хок, стоявший впереди своего войска, остался на ногах. Земля затряслась под ним, как вершина дерева во время урагана, и в тот же миг кусок мягкого черного камня с силой ударил его в лицо, и он, казалось, улетел в пустоту, такую же черную, как и сам камень.

Когда сознание вернулось к Хоку, солнце уже стояло высоко и он был один. Очевидно, битва откатилась дальше. Он видел вокруг только мертвых. Было очень жарко; эта жара и привела его в себя. Казалось, что земля поблизости горит, а утренний ветер раздувает огонь и гонит прямо к нему.

Мигая и фыркая, Хок поднялся. Голова у него болела от полученного удара, но он получал удары и раньше и относился к боли с презрением. Он огляделся, снова удивляясь, куда ушла битва. Рядом с ним лежали его собственные лук и топор. Очевидно, его сторона восторжествовала, иначе он наверняка был бы убит и ограблен, пока лежал без сознания. Отбросив поэтому всякую тревогу, он вернулся к странному огню.

Огонь наполнял трещину в склоне холма, где раньше выходил на поверхность слой черного камня, теперь расколотый словно ударом могучего топора. Ветерок раздувал пламя. Хок подошел ближе, насколько позволял обжигающий воздух, и в самом сердце пламени увидел предмет, упавший с неба. Это был расщепленный круглый кусок, крупнее головы Хока.

«Это бросил Сияющий, — подумал Хок. — Оно упало с неба, из его жилища».

Хок наклонился, поднял кусок черного камня и осторожно бросил его в огонь, поближе к раскаленному куску.

Ему показалось, что черный камень исчез мгновенно. «Э! Оно ест черные камни!» — подумал Хок.

В нескольких шагах от огня, ниже по склону, выдвигалась глыба черного камня. Спустившись туда, Хок отбил несколько больших кусков и взял их в охапку. Его грудь и руки стали черными, но он донес свою ношу до огня и швырнул туда.

— Хок — твой друг, — сказал он. — Я принесу тебе столько черного камня, сколько ты захочешь.

Снова и снова он носил куски черного камня, выламывая их своими огромными руками или отбивая рюкзком топора. Он навалил высокую черную гору, заглущив ею огонь. Получилась пирамида высотой ему по груди и шириной больше чем в три его шага. «Этого ему будет довольно», — решил он.

Но он ошибся. Послышались треск и шипение, между более крупными кусками показались языки пламени. Пока Хок смотрел, пораженный и очарованный, вся гора вдруг превратилась в ревущий огненный столб. Он был вынужден отступить.

Потом пошел дождь — короткий, но очень сильный. Огонь, выгорев, погас. Хок подошел ближе, скользя по грязи.

— Где же дар Сияющего? — спросил он у дымящейся золы.

Он начал разгребать ее концом топора. В золе мелькнуло что-то блестящее, как вода, но твердое, как лед, хотя оно было горячим. Завернув от удивления, Хок быстро разгреб золу в сторону.

Метеорит, упавший прямо на выступающий из земли пласт каменного угля и вызвавший пожар, превратился теперь в изурбанный кусок сплавленного шлака. Из него торчало что-то длинное, узкое, прямое, как спица змея. Оно было еще горячим, и Хоку пришлось завернуть его в край львиной шкуры; оно было шириной в три пальца и гораздо длиннее руки, суживалось к концу в острие и было гораздо тверже всякого кремня. И при всей его твердости, в нем была упругость, какой никогда не бывало ни у одного камня. Держа его за широкий, завернутый в шкуру конец, Хок взвесил его на руке.

— Да ведь это — оружие! — воскликнул он.

Хок нес свою находку к селению, внимательно рассматривая ее взглядом мастера. По обоню краем ее уже были намечены острые грани, острее лучшего из его каменных лезвий, а кончик был тоньше, чем у любого каменного ножа. Хок попробовал обработать свою находку, как привик это делать со своими кремнями: оббил ее тяжелым каменным молотком. Она зазвенела еще неслышанным звоном, но не треснула. Хок начал смачивать и тереть лезвие и от этого края его стали острее. Работая таким образом, Хок шел к своему селению, и когда к вечеру достиг его, лезвие было готово по его вкусу — с острым концом, с режущим краем и с рюкзкой на широком конце, плотно обмотанной сыромятными ремнями, вырезанными из львиной кожи.

Он ухмылялся и хихикал, глядя на эту вещь. Прежде всего он покажет ее Олоане, своей жене, всегда раздвигавшей с ним его радости и удачи. Ее глаза засияют, как звезды, при виде новинки! А потом он позволит белокурому Птао, своему сыну, попробовать поднять эту штуку.

— Хок! Хок!

Навстречу ему от селения бежал его брат Жик, младший вождь.

— Ты жив?! — задыхаясь воскликнул он.

— Конечно, — сказал Хок, глядя для удобства своей меч поперек руки. — Как шла битва после того, как меня

сбило? Многих ли рыболовов вы убили, прежде чем они бежали?

— Бежали, . . . — повторил Жик, покачав своей темноволевой головой. — Они не бежали, Хок. Бежали мы.

Хок выпрямился, сверкнув глазами и оскалив зубы.

— Бежали! Как это было, Жик?

Его брат беспомощно протянул руки.

— Эта штука, что упала и сбила тебя . . . Она упала на нас . . .

Хок схватил брата за руку, чтобы успокоить его.

— Что же случилось, Жик? Говори яснее и короче.

— Мы испугались . . . Рыболовы закричали, что за них сражаются духи, и кинулись на нас. Они отнесли нас. Все думали, что ты убит, что сам Сияющий потребовал твою жизнь . . .

— Но я жив, — снова уверил его Хок. — Ну, а потом что?

— Мы бежали, думая, что Сияющий прогневался на нас. Но Олоана, когда мы сказали ей, решила идти искать твой труп. — Жик косясь начал покачал головой. — Мы удерживали ее, она пошла, она и Птао, твой сын.

Хоку вдруг стало холодно, словно его опять облило ливнем. Он почувствовал, что услышит еще худшие вести.

— Почему же я не встретил их? — спросил он. Жик сделал жалобную гримасу.

— Рыболовы преследовали нас, подбирая луки, брошенные нашими ранеными. Они встретили Олоану и Птао и увели их в свое селение на берегу.

Огромная рука Хока сжалась на обмотанной ремнями рюкзке меча.

— Они увели Олоану и Птао, — повторил он. — И никто не посмел остановить их, — даже ты, мой брат?

— Мы думали, что это воля Сияющего. Мы не знали, что ты жив . . . — Жик преврал себя и положил руку на плечо брата. — Идем в селение. Поешь и отдохни. Мы соберем оставшихся бойцов. Когда они увидят, что ты жив, они пойдут.

— Никогда. Вернись и скажи, что я один погнался за Лжмой и его трусливыми рыболовами. — Хок взмахнул мечом, сверкнувшим в лучах солнца, и закружил его над головой, украшенной крыльями сокола.

— Сияющий дал мне это! — воскликнул он. — Мне не нужно ничьей помощи. Дар Сияющего пропустит мне дорогу между рыболовами и вернет то, что я потерял!

Он повернулся и побегал по равнине, ница следы врага.

Шанг, огромный шерстяной медведь, жалко нохал воздух. Первое холодное дыхание осени, окрасившее чаши в бурый, желтый и алый цвета, уже коснулось Шанга. Он ел орехи, накапывая жир под своей толстой шкурой — запас на зиму. Мясо человека было бы для Шанга приятным лакомством. Но люди были вооружены и шли близко друг за другом. Шанг издали следил за ними, спрятавшись в кустах. Это были смуглые бородатые мужчины. Они вели связанных женщину и мальчика. У Шанга потекли слюнки при виде мальчика, но он не посмел напаст на толпу. Он пропустил отряд мимо, глядя ему вслед с мрачным сожалением.

Вскоре он опять почувствовал человека, а потом и увидел его. Отставший от отряда? Нет, он не походил на тех, что уже прошли. Этот был высокий, белокурый, румяный человек, и глаза его были прикованы к следам отряда. Шанг, мудрый в своей животной пронзительности, понял, что это сильный и отважный воин. Но Шанг не боялся одиноких людей, даже таких огромных и сильных, как этот. Он подождал, пока одинокий путник подошел достаточно близко к его засаде, и тогда с оглушительным ревом прыгнул.

Хок кинул быстрый взгляд на зверя — лохмотое чудовище, величиной почти с бизона, с открытой красной пастью, способное мгновенно раздробить ему голову. Он быстро отскочил в сторону. Пока Шанг, промахнувшись,

поворачивался для другого прыжка, Хок кинулся к ближайшему дереву и вскарабкался на развилку.

Рыц и порца, Шанг поднялся во весь свой колоссальный рост — в полтора раза выше человека — и острыми, как ножи, когтями начал карапать и рвать кору с дерева. Но он не мог взлезть за Хоком, как это сделал бы менее крупный и более подвижный медведь. Он ходил кругом дерева, размахивая страшными лапами.

Хок поглядел на него, потом в ту сторону, куда отряд рыболовов уводил Олоану и Птао. Сам он был в безопасности — свирелью звать не мог достать его, но только до тех пор, пока Хок оставался на дереве. Долго ли ему тут сидеть? Многие может случится за это время...

Наклонившись, Хок обратился к медведю:

— Эй, Шанг, ты хочешь съесть меня? А что, если я спущусь поспорить с тобой? — он повертел мечом. — Я только человек, но Сияющий дал мне зуб не хуже твоих. Эй, — крикнул он опять, — я не буду больше ждать, готовься драться за своей обед, Шанг!

Он размахнулся, и острый меч отрубил ветку с такой легкостью, словно это была гравинка. Хок одобрительно заворчал и вдруг, размахивая мечом и веткой, спрыгнул с дерева, став прямо на ноги.

Словно поняв вызов, Шанг снова поднялся на задние лапы. Огромный, неповоротливый, он двинулся вперед, чтобы уничтожить наглое существо. Хок засмеялся, как всегда перед лицом смертельной опасности, и вытнул меч.

Шанг наткнулся на блестящую вещь, которую противился человек. Ему уже приходилось встречаться с оружием, и он умел разбивать деревянные рукоятки в щепы, прежде чем напасть на обезоруженного охотника. Но сейчас, едва он дотронулся до железа, как мгновенно с воплем отскочил переднюю лапу. Лезвие, искусно отточенное Хоком, раскололо медвежью лапу до кости.

— Ты пробудешь дар Сияющего? Да? — подразнил его Хок. — Попробуй теперь другой лапой.

Рана не остановила Шанга. Он шагнул ближе, подняв обе лапы, раскрыв дымящуюся пасть. Хок взглянул в это зияющее горло и прыгнул вперед — навстречу огромному зверю. Левой рукой он сунул в его раскрытую пасть ветку, яростно вбивая ее в горло. Из груди Шанга вырвался глухой рев, и он вцепился обеими лапами в крепкий березовый сук. Хок, защитившись на миг от удара или укуса, ударил тем, что держал в правой руке.

Блестящее лезвие, быстрое, как жало змеи, пронзило широкую грудь Шанга. Хок изо всей силы дернул меч вверх, выхватил его из раны и отскочил назад. Шанг замер на месте, потом покачнулся и упал, так что земля затряслась под ним.

— Дар Сияющего — великое чудо! — воскликнул Хок. — Какое копыто или топор могли бы уложить Шанга так быстро?

*

Холодная безлунная ночь спустилась на широкий лагерь океана. Над морем поблескивало множество красных огоньков. Это были вечерние костры селения Джомы, словно плававшие на поверхности тихой воды. На берегу лежала лодка, выдолбленная из целого ствола.

Подойдя к берегу, Хок всматривался в огоньки.

Лодка лежала рядом, но Хок не знал, как пользоваться такими вещами. Он проверил ремни, которыми меч был прикреплен к его поясу, и быстро вошел в воду. Потом беспомощными, мощными толчками он поплыл туда, где были его жена и сын.

С его приближением огоньки поднимались все выше и выше. Теперь они горели в высоте. Подплыв достаточно близко, он увидел, что из воды поднимается что-то черное и угловатое. Остров, очевидно, был скалистым.

Хок поплыл туда, где должен был находиться берег.

Но берега не было.

Хок был изумлен. Не заплыл ли он в морскую пещеру? Повернувшись на спину, он начал ощупывать руками справа и слева. Пещера оказалась очень обширной. Он повернулся на бок и столкнулся с чем-то деревянным. — Повидимому, с выросшим здесь стволом дерева. Озадаченный, он осторожно приподнялся и взобрался на ствол, хватаясь за обломки сучьев. Подняв руки, он опущал над собой дерево — прочную деревянную кровлю. Да, это была пещера, но пещера деревянная и с водяным полом. Хок осторожно соскользнул вниз и поплыл обратно.

Он начал оглядывать селение, стараясь определить, на чем оно расположено, если не на острове. Сначала он видел только похожие на утес выступы, закрывавшие его свет звезд и огня. Потом в одном месте он увидел хижину. На пороге ее горел костер, а вокруг сидели люди, беседа между собой. Хок лежал на самой поверхности воды, и при свете костра ему удалось разглядеть тайну.

Остров был сделан из дерева. Сделан руками людей Джомы. Из дна залива торчали деревянные столбы, на развилках которых были настланы плотобразные перелеты. Они, в свою очередь, поддерживали плотный деревянный настил из расщепленных вдоль бревен, положенных плоской стороной вверх. Все это было переплетено широкими полосами сыромятной кожи, высушенной так, что она стала твердой, как камень. На этой платформе стояли обмазанные глиной плетеные хижины с такими же тростниковыми крышами, как в том селении, стоявшем на твердой земле, где жил Хок.

Хок захотелось ближе рассмотреть это странное сооружение. Он нырнул и поплыл к основанию одного из столбов. У столба не было корней в морском дне; он был вбит туда и укреплен насыпанной вокруг него кучкой камней. Поперечники, связанные с другими столбами, укрепляли его еще больше. Хок проплыл вокруг всего селения рыболовов. Он увидел, что все оно построено по тому же образцу, — сотни больших столбов, с трудом срубленных на берегу каменными топорами, затем сплавленных по воде к этому месту и поставленных стоймя в заранее определенном пункте. Потом на этот искусственный морской лес была поставлена плетеная и скрепленная ремнями платформа. Хок восхищено покачал своей мокрой головой. Такая работа потребовала больших усилий и искусства. Она должна была занять много лет, может быть поколений. Когда она была завершена, у рыболовов оказалась почти неприступная крепость. Здесь они могли жить в безопасности, защищенные морем, давным-давно им чужейтую добычу.

...Близ берега часть платформы спускалась почти к самой воде. Вокруг нее было привязано множество челноков, принадлежащих племени Джомы. Но здесь стояли часовые — человек пять или шесть. Они собрались вокруг огня, пылавшего в очаге из камней и глины. Они увидят Хока, если он вскарабкается сюда, и убьют его раньше, чем он сумеет защититься. Он должен попасть на остров в другом месте.

Едва он успел подумать об этом, как что-то большое, быстрое метнулось в воде возле него.

Он отскочил во-время. Огромная акула, длиною в три его роста, пролетела около него, как стрела, а потом

с устрашающей грацией повернулся для нового нападения.

Хок быстро схватил за рукоятку меч и резким движением вырвал его из ремешков петель. Акула уже налетала на него, и он сплел от страшных зубов только тем, что оттолкнулся левой ладонью от ее уродливого носа. Одновременно он поднял конец меча, и Дар Сияющего коснулся шершавой серой шкуры. Хок сильно толкнул его вперед. Тотчас же брюхо акулы оказалось распоротым, и Хок с силой отпрыгнул в сторону, налегая на рукоятку и раздирая разрез в чудовищную рану.

Акула судорожно выпрыгнула из воды, чуть не выдернув рукоятку меча из рук Хока, потом упала снова, с сильным всплеском, и забилась, сорвав своей жесткой шероховатой шкурой кожу ему на плече. Хок быстро поплыл прочь, так как шум стачки привлек внимание стражи на лодочной площадке. С визгом и криками люди выхватывали головы из кистра и поднимали их, освещая воду. Они недоуменно показывали друг другу на израненную, истекающую кровью акулу. Хок, укрывшись под более высокой частью платформы, увидел, что место, только что покинутое им, пенится в ужасном водовороте.

Раненую акулу окружили другие — целая стая. Бухта, очевидно, кишела этими хищниками. Их привлекало к селению Джомы множество отбросов, ежедневно сбрасываемых с платформы. Чудом было то, что они до сих пор не тронули Хока. Даже сейчас некоторые из акул, привлеченных запахом свежей крови, повернулись, чтобы преследовать его. Взяв меч в зубы, Хок вскарабкался по одному из столбов, поддерживающих платформу, и уселся на перекладине. Над его головой раздавался громовый, сотрясающий платформу топот: стая морских хищников у лодочной площадки привлекала к себе толпу рыболовов. Они перебежали с места на место, ахали и пляли глаза на чудовищ.

Хок оставался на перекладине все время, пока воинственные рыболовы бежали у него над головой, а голодные акулы щелкали челюстями у самых его ног. Наконец платформа перестала сотрясаться. Тогда он схватился за горизонтальную перекладину, подтянулся изо всех сил на руках и ударился головой о платформу. Он быстро выбрался наверх между двумя пустыми хищниками, оглядываясь во все стороны. Эта часть селения была, повидному, совершенно пуста. Хок осторожно двинулся между тесно стоящими хищниками, направляясь к самой большой, которая должна была быть жилищем Джомы.

Эту большую хижину составляли несколько маленьких, соединенных крытыми ходами. Получилось несколько комнат, в которых помещались сам вождь, его семья и приближенные. Хок увидел, что у хижины кто-то стоит. Это был сторож, с завистью смотревший в сторону огня и суматохи. Он стоял здесь, конечно, только потому, что получил приказ не отлучаться и сторожить что-то ценное внутри хижины.

Хок почувствовал, что он близок к цели своих поисков. Подкравшись к хижине бесшумно, как тень, он раскрошил сторожу череп мечом и, перешагнув через его труп, вошел в жилище Джомы.

На большом каменном очаге еще горела куча углей, и он пошевелил ее конком меча. Стало светлее, и тотчас же он увидел одно из сокровищ, охранявшихся убитым воином: свои луки, подобранные Джомой на поле битвы три дня назад. Они были связаны в большой сноп — хорошая ноша для сильного человека. Хок вытащил их вон и стал искать на платформе слабо прикрепленный брус

настила. Найдя его, он разрезал плетенье, приподнял брус и толкнул всю связку луков в отверстие. Донесся глухой всплеск воды. Теперь ни один рыболов не научится пользоваться захваченным оружием и не сможет сделать новое по его образцу: прилив унесет луки в море.

Но где пленники Джомы?

Он снова вошел в хижину, вглядываясь в полумрак.

— Олоана! — позвал он негромко. — Где ты?

— Хок! — послышался радостный крик.

Одним прыжком он пересек хижину, и удары меча обрушились на плетеную дверь, закрывавшую ключевой выход. Дверь разлетелась в щепы, и из темной дыры выбежали Олоана и Птао. Он обхватил их руками, и все трое прижались друг к другу, смеясь и задыхаясь от радости.

— Я знал, что мой отец придет, — смог наконец выговорить Птао, — я говорил это им обоим — и Джоме и Когго. Они смеялись, но я видел по их глазам, что они боятся.

— Джомы и Когго, — повторил Хок. — Джомы, — кажетесь, вождь этих рыболовов, но кто такой Когго?

— Сын Джомы, — ответила Олоана. — Он говорил, что возьмет меня в жены. Я поцарапала ему лицо, так что он теперь держится в стороне и кланится усмирять меня.

— Я найду случай поговорить с Джомой, — сказала Хок, — но сначала нам нужно уйти из этого места, где воняет тухлой рыбой. — Это вам не удастся, — раздался голос позади его.

*

Увлеченный радостью свидания, Хок на время забыл о том остром чувстве настороженности, которыми должен обладать каждый охотник и воин, если хочет удачи. Рыболовы опомнились после суматохи, вызванной акулами, и вооруженные воины столпились у входа и на платформе. Впереди всех стоял Когго, такой же высокий и широкоплечий, как сам Хок, с широким топором из черного камня в руке; позади него был виден Джомы.

— Ты пришел, Хок, — голос Джомы был холоден. — Я думал, что ты мертв, убит своим же богом. Ну, значит, твой Сияющий слабее, чем я думал. Я сделаю это лучше его.

Хок шагнул, загоразжив собой Олоану и Птао. Рука его стиснула рукоятку меча.

— Это оружие — дар Сияющего! — вскричал он, и его слова сами были, как удар меча. — Дар Сияющего выплыл уже много раз у рыболовов. Он будет пить, как только вы шевельнетесь.

— Хо! — фыркнул Когго. — Я не боюсь этой блестящей штуки, похожей больше на сосульку, чем на копы или палочку. Ты хочешь напугать нас ложью, Хок. Я сам убью тебя, и твоя женщина увидит, что я сильнее тебя и что меня стоить взять в мужья.

Он нагло улыбнулся. Хок обезумел.

— Э-гей!

Меч свистнул в воздухе. Когго не успел увернуться. Лезвие обрушилось, и голова Когго отлетела как сухой сучок. Секунду еще безголовое тело стояло неподвижно, словно застыл, потом качнулось и упало.

Хок прервал молчанье ликующим боевым кличем и кинулся в гущу врагов.

Удар, удар, еще удар — трое упали почти одновременно, остальные отшатнулись. Не будь дверь такой узкой, часть воинов могла бы выбежать и открыть путь другим. Но их окружали прочные стены из плетня и глины, и они должны были сражаться. Оружие взметнулось со всех сторон.

— Не убивать его! — загремел Джомы, укрывшийся в угол. — Взять его живым! Свалить, связать!

Это было легче сказать, чем сделать. Сверкающий меч поражал одного рыбакова за другим. Но вот какой-то совершенно обезумевший от ужаса юноша слепо кинулся прямо на меч Хока. Лезвие вознзилось ему между ребер, и раньше чем Хок успел вытащить его, остальные кинулись со всех сторон, облепив Хока, как муравьи. Он покачнулся и упал, но мощным усилием поднялся, стряхивая с себя врагов. Олозан испустила предостерегающий крик, но поздно... Джомо, подбежав сзади, ударил Хока в голову древком копья. Хок почувствовал, что его охватила тьма.

Он очнулся и ощутил, что тело его мокро от водяных капель: он был под открытым небом, и шел дождь. Чуть приоткрыл глаза, он увидел рассвет, просачивающийся сквозь тучи. Вокруг него шептались люди. Хок прислушался к шопоту.

— Когда мы вернулись к месту первой стоянки, — услышал он голос, принадлежавший, повидимому, молодому воину, — мы увидели под деревом огромного Шанга. Он был мертв. Он лежал в луже крови, и на груди его была рана, в которой мог бы поместиться мой сын. Ни копьем, ни топором такую рану сделать нельзя.

— Это Хок своим даром Сияющего убил Шанга, — восхищенно сказал другой воин.

— Да, никто, кроме Хока, не вышел бы против Шанга один на один, — подтвердил первый.

Чувство гордости охватило Хока. Такое признание из уст врага стоит десятка хвалебных песен друзей. Он жадно слушал шопот людей Джомо.

— И это Хок убил акулу, — снова заговорил первый воин. — Я видел ее труп, волны пригнали его к самому берегу. Хок распорол ей брюхо от пасти до задних плавников. Только новым оружием Хока можно нанести такую рану.

— Он сделал это, находясь в воде, — сказал еще кто-то. — До сих пор не было человека, который отважился бы сразиться с акулой в ее жилище.

— Хок — храбрый и умный воин, — проговорил кто-то старческим, хриплым голосом.

Хок понял, что это голос одного из старейшин племени рыбаководов.

— Он один убил за два дня больше наших людей, чем у меня пальцев на руках и ногах, — почти вслух произнес чей-то молодой звонкий голос. — Он придумал луки, а теперь владеет непобедимым даром Сияющего. У Джомы никогда не было такого оружия.

— Молчи! Джомо бросит тебе акулам, если услышит твои слова, — сказал старик.

Все замолчали. Хок зашевелился и открыл глаза.

— Смотри, он очнулся, он жив, — прокаркала над ним сморщенная, спирепого вида старуха. — Я думала, что он умер: он лежал без движения так долго.

— Если бы он умер, я бы пожалел об этом, — ответил годос Джомы, показавшегося из-за хижинки. — Не гакую спокойную смерть гоголю я для него.

Пленник сел. Он был оплетен по рукам, по ногам, вокруг тела десятками тонких ремешков из рыбьей кожи. Рыболовы вынесли его из хижинки Джомы и положили на краю бревенчатого настила, под которым плескалось море. Рядом были Олозан и юный Птао, тоже связанные. Оба они смотрели на него с тревогой, но когда Хок очнулся, вставил в

себе себя улыбнуться. Хок тоже улыбнулся им, ласково и ободряюще.

Джоме не понравилось это проявление бодарости пленников, он грозно зарычал, чтобы привлечь их внимание. Дождь стекал серебристыми капельками по его черной бороде.

— Ты убил моего сына, Хок, — холодно сказал он.

— Он сам хотел этого, — ответил Хок, наирагая мускулы под своими узами. — Будь я свободен и будь у меня дар Сияющего, я убил бы и тебя тоже.

— Но ты не свободен, — насмешливо возразил Джоме. — А что касается той штуки, которую ты называешь даром Сияющего, то она здесь, — он показал на еще окровавленный меч.

Хок напрягся, стараясь разорвать свои ремни. Они затрещали, но не поддались. Дождь хлестал его по лицу и плечам.

— Освободи меня! — крикнул он. — Сразимся честно и тогда увидим, кто из нас сильнее. Я вызываю тебя на битву.

... Это был дерзкий вызов, и он произвел впечатление на столпившихся кругом рыбаководов. Они опять начали перешептываться, надеясь, может быть, что вызов будет принят. Почти не скрывая восхищения, они смотрели на Хока и на его меч, лежавший рядом на отшлифованном морем камне. Но Джома уже приготовился к ответу.

— Ты упрешь без надежды на битву, Хок, — сказал он, — тебя бросат связанным с платформ моего селения туда, где вода глубже и где больше всего акул. То, что от тебя останется, приманит рыбу для нас. Но сначала... — тут его яркие черные глаза обратились на Птао, — сначала ты должен увидеть кое-что.

Хок тоже взглянул на Птао, и страх, которого он не испытывал, думая о своей участи, охватил его, когда он понял, что угрожает мальчику. Джома заметил это и хихикнул от удовольствия.

— Ты убил Когго, моего сына. А я, Хок, убью твоего.

На мгновенье Хоку показалось, что черная тьма опять схватит его. Он сделал мощное усилие, чтобы подняться на ноги, но они были связаны в лодыжках и не давали опоры. Огромная молния с треском разрезала небо, дождь

хлынул еще гуще и холоднее. Джом протянул свободную руку, схватил Птао за плечо и швырнул его на камень.

— Джом, — произнес, задыхаясь, Хок, — перед всем твоим народом я называю тебя самым низким и черным из трупов. Убить мальчика, маленького мальчика, да еще связанного...

— Не говори с ним, отец, — твердым голосом ответил юный Птао, — он для меня меньше, чем змея с ядовитым зубом. Я не боюсь умирать, потому, что мой страх сделал бы его счастливым, — и он бесстрашно улыбнулся Джоме.

— Как он храбр! — сказал один из стражей, не в силах скрыть своего восхищения.

Джом резко повернулся и посмотрел на своих людей. Они столпились вокруг и с явным сочувствием смотрели на связанных пленников. Задражав от гнева, Джом прокричал:

— Смотри хорошенько, Хок! Я убью твоего щенка тем самым оружием, которым ты убил Когого.

И он шагнул к камню, на котором лежал меч.

— Жадный трус! — воскликнул Хок, извиваясь, напрягая все свои силы в попытке разорвать ремни. — Ты ничего не можешь придумать сам. Ты просто мелкий вор, шакал, подбирающий чужие объедки. Ты хотел украсть луки, которые я придумал для своего народа. Ты украл Олоану и Птао. Теперь ты хочешь украсть да Сняющего. Ты хуже слезняка, присосавшегося к бревну этого настила.

Рыболовы зашумели и теснее сгрудились вокруг Хока и Джомы, глаза которого налились кровью.

— Вой, пусть решит бой, — послышался голос какого-то рыболова.

Хок узнал одного из тех, кто шептался над ним, когда он лежал, притворяясь безучастным.

— Обычай отцов пусть вступит в право. Обычай отцов, — раздался другой голоса.

— Пусть решит бой, кому быть вождем, — сказал старик, и все сразу замолчали, только еще плотнее обступили Джому и Хока.

Джом понял, что решается его судьба. Сочувствие рыболовов явно склонилось на сторону Хока — смелого, решительного, владеющего новым, никогда не виданным оружием. С ревом бросился Джом к мечу, торопясь решительным ударом закончить затянувшийся спор.

В тот же момент Хок яростно рванулся и вскочил на ноги. Последнее напряжение мускулов разорвало ремни из рыбьей кожи.

Быстрое движение — и меч оказался у него в руке, закружившись над его головой, как отвертвшееся пламя.

— Ге! Я Хок, я бью!

Страшной силой удар обрушился на плечо Джомы. Тело вождя рыболовов распалось на две части, и кровь не успевала стекать в море между бревнами настила. Хок стоял над телом

Джомы. Он не заметил, что дождь неожиданно перестал и что солнце, его солнце, сияло в синем утреннем небе.

— Хок, Хок, — закричала Олоана, все еще лежавшая связанной, — Освободи нас, и бежим!

Он поспешил к ней. Лезвие меча легко перерезало ремни, связывающие Олоану и Птао. Все трое повернулись, ища дорогу на берег. Но их плотной стеной обступили рыболовы.

— Не уходи от нас, Хок Могучий! — заговорили они все разом. — Не уноси от нас дар Сняющего. Живи с нами, будь нашим вождем!

Хок увидел, что никто из рыболовов не угрожает ему, Олоане и Птао, и опустил меч, которым взмахнул было, когда им преградили дорогу.

— У меня есть свой народ, и он ждет своего вождя, — проговорил он наконец.

— Останься с нами, Хок, — сказал, выходя вперед, старик-воин, тело которого было сплошь покрыто шрамами и рубцами — следами былых ран. — Ты научишь нас стрелять из лука и владеть дорогой Сняющего. А мы построим тебе самую большую хижину на нашем бревенчатом острове. Никакие звери, никакие враги не страшны нам на этом острове, если ты будешь с нами.

Хок заколебался. Он сразу же, попав на этот странный остров, понял все его преимущество. Но сознание долга перед кремневниками удерживало его согласиться на просьбы рыболовов.

Его размышления прервал Птао.

— Оглянись, отец! — воскликнул он, указывая на берег. Все посмотрели в ту сторону. Из-за кустов, окаймлявших прибрежный лес, высочилась толпа воинов, вооруженных луками, на тетивах которых виднелись оперенные стрелы. Рослый воин бежал вперед всех.

— Это Жик, младший вождь, — сказала Олоана. — Он ведет кремневков на помощь Хоку.

— Хок жив! — закричали кремневки, вскакивая на бревенчатый настил, соединявший берег с островом рыболовов.

Люди Хока хотели броситься на рыболовов. Но Хок остановил их движением руки, в которой блеснул меч.

— Это не враги, это братья — проговорил он. — Джом убит, и никто не поменяет нам соединиться. Мы научим рыболовов бить лесных зверей, они научат нас ловить морских рыб. Наши луки и стрелы, мой дар Сняющего и их бревенчатый остров защитят нас от любых врагов. Мы соединимся, и не будет народа сильнее нас!

Каменные топоры, луки и копья полетели кверху, и деревянный настил зашатался под ногами ликующих кремневиков, которые перемешались в победной ясыке. Стройная фигура Птао мелькала между ними. А в стороне, опираясь левой рукой на плечо Олоаны, стоял Хок Могучий, и в приподнятой правой руке его сверкал меч, залитый лучами солнца.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ

«Во тьме веков» — фантастическая повесть. В ней обрисована жизнь первобытных охотничьих орд. Писатель придумал героев повести, но при этом он использовал данные науки о жизни наших далеких предков. Ученые отыскали пещеры первобытных людей и развалины свайных построек, вроде того острова, на котором жили сородичи Джомы Рыболова. Свайные постройки — одно из величайших достижений изобретательского гения доисторического человека. Ученые раскопали в земле каменные орудия и нашли остатки древних луков. Они точно установили, что много тысячелетий люди пользовались каменными топорами и ножами, прежде чем научились изготавливать орудия из металла.

Конечно, наука не может точно сказать, когда и как

был изготовлен первый железный меч. Известно, что на земле железо в чистом виде не встречается — оно бывает только в виде железных руд. Однако ученые открыли, что в эпоху каменного века некоторые племена выделяли металлические предметы из остатков метеоритного железа, которое обычно содержит 4—10% никеля, а также примеси кобальта, меди и углерода и, следовательно, по составу на сталь, пригодную для выделки оружия. Автор повести «Во тьме веков» создал увлекательную легенду о первобытном изобретении, появившемся в итоге удивительного стечения обстоятельств — падения раскаленного, огненного метеорита на место, где угольный пласт выходил на поверхность земли.

Повесть напечатана в сокращенном виде!